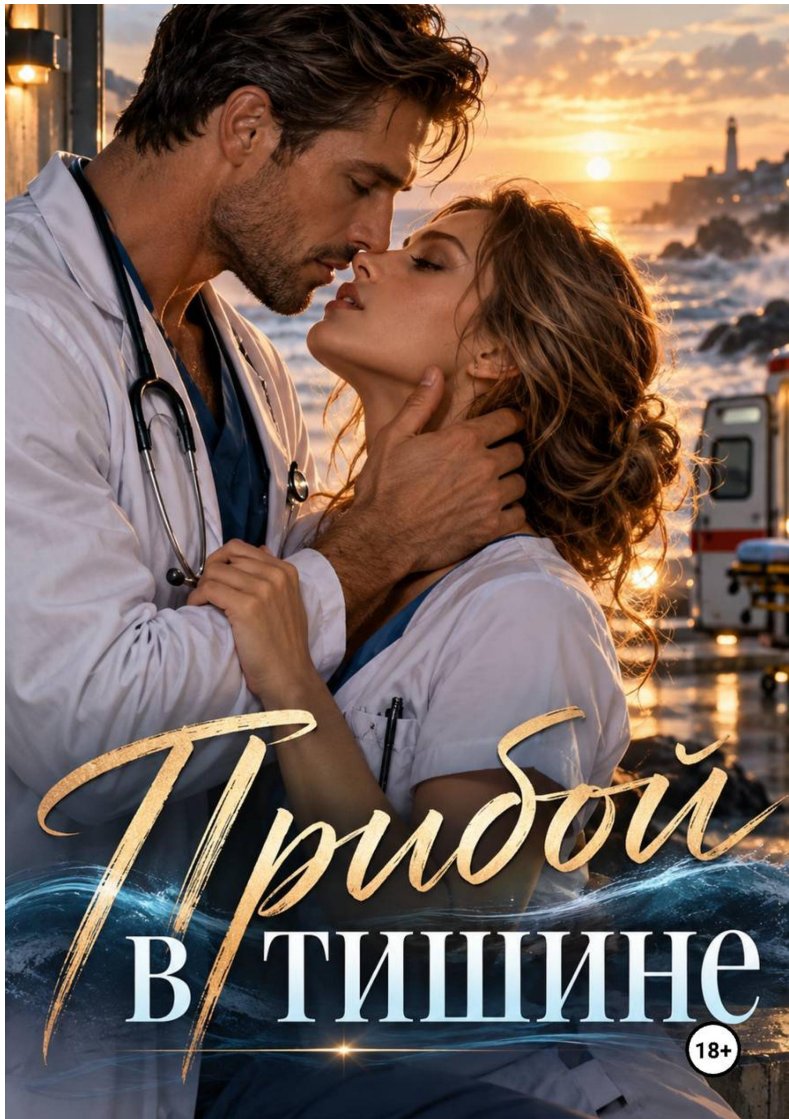

Трибой В ТИШИНЕ

18+

Ева Арден

Прибой в тишине

<https://litres.ru/74672117>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Прибой в тишине»

Шесть лет назад он разбил ей сердце. Теперь вернулся и стал её начальником.

Алексей Соколов — талантливый врач, привыкший спасать чужие жизни. Но сможет ли он спасти любовь, которую однажды предал?

Марина научилась жить без него. Прятать боль за холодной улыбкой. Не верить обещаниям. Только сердце предательски замирает каждый раз, когда он оказывается рядом.

Теперь их ждут ночные дежурства, опасные вызовы, случайные прикосновения и чувства, которые невозможно заглушить. Но в маленьком приморском городе у стен есть уши, у любви — соперники, а у прошлого — страшная тайна, о которой Алексей даже не догадывается.

Что сильнее — боль предательства или любовь, пережившая шесть лет разлуки?

История о запретной близости, ревности, прощении и втором шансе. О любви, которая, подобно морскому прибою, всегда возвращается даже если её больше не ждут.

Ева Арден

Прибой в тишине

Прибой в тишине

Ева Арден

18+ · Для взрослой аудитории

© Ева Арден, 2026. Все права защищены.

Воспроизведение книги или её части в любом виде без письменного разрешения правообладателя запрещено.

Все персонажи и события вымышлены; любые совпадения случайны.

Аннотация

Алексей Соколов возвращается в родной приморский город, чтобы возглавить отделение скорой помощи. За шесть лет он не написал бывшей возлюбленной Марине ни строчки, а теперь она — старшая медсестра в той же больнице. Первая встреча оборачивается ледяным «вы» и глухой обидой, но работа сталкивает их лицом к лицу на вызовах, где счёт идёт на минуты. Старые чувства вспыхивают с новой

силой, однако город не забыл их прошлого: сплетни, анонимная жалоба и ревнивый соперник грозят разрушить всё, что только начало налаживаться. Сумеют ли они отстоять друг друга, когда правда выйдет наружу?

Содержание

Глава 1. Туманное возвращение

Глава 2. Первая смена

Глава 3. Шёпот за спиной

Глава 4. Неожиданная смена

Глава 5. Гроза и сердце

Глава 6. Слухи и яд

Глава 7. На грани

Глава 8. Тихий причал

Глава 9. Правда выходит наружу

Глава 10. Прощение и прилив

Глава 1. Туманное возвращение

Автобус вынырнул из тумана, как из плотной воды, и остановился на площади перед станцией. Алексей поднял с соседнего сиденья сумку и вышел в прохладное сентябрьское утро. Воздух пах йодом и прелыми листьями; где-то за спиной, невидимое за белой пеленой, вздыхало море. Он поставил сумку на асфальт и огляделся, пытаясь узнать город, который с детства считал родным.

Здание вокзала почти не изменилось — те же облупленные часы над входом, та же вывеска «Светлогорск-Приморский» с выцветшими буквами. У ограды стояла та же скамейка, на которой он когда-то, жарким июльским вечером, целовал Марину так, что у неё сбилось дыхание. Он отвёл взгляд.

По Морской набережной, мимо низких каменных домов в пастельных тонах, он пошёл в сторону больницы. Туман здесь был гуще: он стелился над мостовой, прятал фасады, искажал звуки — шаги звучали глухо, будто шли по войлоку. Знакомый маршрут, который он помнил наизусть, теперь требовал усилия: вот аптека на углу, где Марина покупала пластырь, когда он порезал руку о край носилок; вот кафе с облезшей вывеской «Прибой», где они пили терпкий чай после ночных смен. Каждая дверь, каждый поворот отзывались воспоминаниями, и он шёл сквозь них, стиснув зубы.

«Давайте по факту», — сказал он себе мысленно, поправляя ремень сумки, сползавшей с плеча. Факт: он возвращается в город, где шесть лет назад совершил трусость. Факт: он назначен заведующим отделением скорой помощи в больнице, где до сих пор работает женщина, которой он причинил боль. Факт: он не имеет права ждать прощения, но всё равно, как дурак, на что-то надеется.

Он свернул с набережной в узкий переулок. Здесь туман немного рассеялся, но небо оставалось белёсым, обесцвеченным. Пахло мокрым камнем и дымом из печной трубы. У

забора, увитого облепихой, стояла пожилая женщина в тёмном платке и, щурясь, смотрела на него.

— Алёшенька? — неуверенно окликнула она. — Соколов? Сынок, ты ли это?

Он остановился. Женщина подошла ближе, вглядываясь.

— Анна Сергеевна, — узнал он соседку с детства. — Доброе утро.

— Вернулся, стало быть, — она покачала головой, то ли одобрительно, то ли осуждающе. — А я слышала, ты теперь большой начальник. Над Маринкой-то командовать будешь, а?

Алексей почувствовал, как внутри что-то сжалось. Он натянуто улыбнулся:

— Не командовать, а работать вместе.

— Ну-ну, — Анна Сергеевна поджала губы. — Она у нас теперь строгая стала. Ты уж с ней помягче, не как тогда.

Он не стал уточнять, что именно она имела в виду. Попрощался и пошёл дальше, чувствуя затылком её взгляд. Город не просто помнит. Город считает нужным напоминать.

Больничный комплекс показался из тумана внезапно — серые корпуса, старый парк с липами, ободранный фонтан. Всё выглядело меньше, чем в памяти. Теснее. У входа стояло несколько машин скорой помощи с выцветшими красными полосами; одна из них, с открытой дверцей, тихо стрекотала двигателем на холостом ходу. Алексей прошёл мимо неё, вдыхая запах бензина и перегара с примесью хлорки, доле-

тавшей из распахнутого окна приёмного покоя.

Он остановился перед стеклянными дверями. Стекло было мутное, в подтёках от утренней росы; за ним угадывался бледно-зелёный коридор. Внутри было тихо — не той тревожной тишиной, которая бывает перед бедой, а обычной, полусонной тишиной ранней смены. Где-то пискнул датчик; звякнула металлическая ложечка о край чашки.

Алексей переложил сумку в левую руку и толкнул дверь. Запах ударил в нос — йод, старое дерево, лекарства, сырой пол. Этот запах он помнил лучше всего. С ним было связано всё: ночные дежурства, потные ладони в перчатках, тихий смех Марины в пустой ординаторской. Он сглотнул.

В холле, за стойкой регистрации, никого не было. На доске объявлений висел пожелтевший график дежурств и приказ о назначении — его фамилия, напечатанная жирным шрифтом. Он задержался на секунду, потом пошёл по коридору, сам не зная, кого ищет. Ему нужно было найти главврача, получить ключи, осмотреться. Но ноги несли его дальше, к дверям отделения скорой помощи.

Дверь была приоткрыта. Он услышал голос — быстрый, с лёгким сарказмом:

— Если кому-то нужно моё мнение, то его не спрашивали. Поэтому молчу.

Алексей замер на пороге. У стойки, спиной к нему, стояла женщина в форменном костюме медсестры. Волосы каштановые, собранные в небрежный пучок. Тонкая рука с ручкой

над журналом, пальцы замерли, не коснувшись бумаги.

Она обернулась, словно почувствовала взгляд.

Марина.

В груди стало тесно, как будто воздух в коридоре сгустился и перестал проходить в лёгкие. Лицо её почти не изменилось — та же мягкая линия рта, та же родинка на скуле; только глаза стали старше. В них больше не было того пьянящего восторга, с которым она когда-то смотрела на него. Сейчас там был холод.

— Здравствуй, Марина, — сказал он. Голос прозвучал глухо, будто чужой.

Она медленно опустила ручку на стойку. Кивнула, не разжимая губ. Взгляд пробежал по его лицу, по сумке, по мятому воротнику рубашки — быстро, профессионально, как осматривают пациента.

— Здравствуйте, Алексей Викторович, — её голос был ровным, отстранённым. — Вам, вероятно, нужно в административный корпус. Это третья дверь направо после приёмного покоя.

— Я помню, — ответил он и тут же пожалел: это прозвучало как намёк на то, что он помнит не только расположение кабинетов. Она тоже это услышала; в уголке рта дрогнул мускул.

Секунду они стояли молча. Между ними было метра полтора и шесть лет. И туман, который снаружи давно остался позади, теперь поднимался внутри.

— Не буду вас задерживать, — Марина отвела взгляд и снова взяла ручку. — У нас много работы.

— Да, — Алексей кивнул. — Конечно.

Он развернулся и пошёл по коридору, чувствуя её взгляд спиной. Нет, не взгляд — холод. Тот самый холод, которым окатывает море в октябре, когда заходишь по колено и понимаешь, что плыть нельзя, но берег уже позади.

У двери административного корпуса он остановился и опёрся ладонью о косяк. Ждал, когда отпустит. Не отпускало.

Всё, на что он надеялся, — что первая встреча будет трудной, но выдержанной, что они разойдутся, как взрослые люди, — рассыпалось. Трудной — да. А вот выдержанной не получилось. Её «вы» звучало не как уважение к должности, а как забор, через который не перелезть.

Он выпрямился, поправил воротник, который, впрочем, не нуждался в поправке, и открыл дверь с табличкой «Заведующий отделением скорой медицинской помощи». Ключ, выданный вчера в областном департаменте, провернулся в замке с сухим щелчком.

Кабинет был маленький, с окном во внутренний двор. Старый шкаф для карт, пустой письменный стол, за окном — ветка липы, мокрая от тумана. Алексей поставил сумку на пол и сел в скрипучее кресло.

Минуту он просто смотрел перед собой. Потом достал из внутреннего кармана конверт с приказом о назначении и по-

ложил на стол. Рядом — так же аккуратно — положил сотовый. На экране горело непрочитанное сообщение от матери: «Доехал?»

«Да», — напечатал он. Добавил было «Всё хорошо», но стёр. Не хотел врать даже в мелочах. Всё было не хорошо. Всё было сложно, тревожно и пахло её духами из глубины памяти, хотя он не помнил, чтобы Марина вообще ими пользовалась.

Он откинулся на спинку и закрыл глаза. За стеной кто-то прошёл, тихо разговаривая; звякнул лифт. Город за окном всё ещё прятался в тумане, но Алексей знал: утро когда-нибудь расступится, и придётся жить дальше. И что бы он ни решил, за дверью кабинета уже не было того города, из которого он уехал шесть лет назад. Может быть, там и осталось его прошлое. А здесь начиналось что-то, чему он пока не знал названия.

Он поднялся с кресла, не выдержав тишины кабинета. Она давила на уши, как вата, и в этой глухоте особенно отчётливо звучало её «Алексей Викторович» — сухое, казённое, чужое. Он вышел в коридор и направился к приёмному покою, сам не зная зачем. Ему требовалось что-то сделать руками: проверить укладку, пересчитать ампулы, полистать журнал вызовов. Что угодно, лишь бы не сидеть на месте.

У стойки регистрации теперь былолюдно. Двое фельдшеров — молодой парень с бледным лицом и женщина лет сорока с усталыми глазами — перебирали карты. Пахло рас-

творимым кофе и спиртовыми салфетками. Марина стояла к нему спиной, склонившись над журналом, и что-то тихо объясняла санитарке. Алексей замедлил шаг.

Он видел её напряжённые плечи, тонкую шею, выбившуюся из пучка прядь, которая касалась воротника. Шесть лет назад он целовал это место за ухом, и она смеялась, говорила, что у него губы как у врача — прохладные и точные. Сейчас он не имел права даже подойти слишком близко.

— Доброе утро, — произнёс он, обращаясь ко всем сразу.

Фельдшеры обернулись, поздоровались. Парень с любопытством разглядывал его, женщина — оценивающе. Марина выпрямилась, но не повернулась. Её рука с ручкой замерла над бумагой.

— Марина Сергеевна, — Алексей сделал полшага вперёд, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мне нужен журнал вызовов за последние сутки. Ознакомиться с обстановкой.

Она обернулась. В карих глазах мелькнуло что-то быстрое, как вспышка спички, — то ли досада, то ли растерянность, — и погасло. Он не успел поймать.

— Журнал у старшей смены. Сейчас принесут.

— Спасибо.

Снова повисла пауза. Фельдшеры переглянулись. Алексей чувствовал их любопытство, почти физически осязаемое, как капли дождя на коже. Он знал, что через час весь город будет обсуждать, как новый заведующий стоит у стойки и не знает, куда деть руки.

В конце коридора показалась Ирина Павловна. Она шла не спеша, с прямой спиной, держа перед собой картонную папку, как держат поднос с хрупким грузом. Увидев Алексея, она остановилась на мгновение, поправила очки и натянуто улыбнулась — так, словно ей было больно растягивать губы.

— Алексей Викторович, — она произнесла его имя по слогам, как будто пробовала на зуб. — Вы уже осматриваетесь. Похвально. Надеюсь, в курс дела вас введёт кто-нибудь из наших старших товарищей.

— Я разберусь, Ирина Павловна, — ответил он, не отводя взгляда.

— В нашем заведении разбираться следует не самовольно, а с оглядкой на коллектив, — она улыбнулась ещё шире, но глаза остались ледяными. — Впрочем, вы у нас теперь руководитель. Вам виднее.

Она кивнула Марине и прошла мимо, не удостоив её больше ни словом. Воздух после неё, казалось, стал плотнее. Алексей заметил, как Марина едва заметно покачала головой.

— Не обращайтесь внимания, — сказала она негромко, и в её голосе впервые за всё утро прорезалось что-то человеческое, тёплое. — Она всех так встречает. Даже тех, кто ей нравится.

— А меня, полагаю, невзлюбила с порога.

Марина поджала губы, промолчала. Она взяла с полки под

стойкой белую пластиковую папку и протянула ему.

— Журнал за сутки. Свежие вызовы — с семи утра. Ночных три. Два гипертоника, один инсульт, все живы.

Алексей принял папку. Их пальцы едва не соприкоснулись; оба отпрянули, но недостаточно быстро. Короткий разряд, будто через сухую ткань пробило статическое электричество. Он почувствовал, как заныло где-то под рёбрами.

— Благодарю, — сказал он.

— Обращайтесь, Алексей Викторович.

Она произнесла это снова — по имени-отчеству, с холодной учтивостью. Но теперь в интонации сквозило что-то ещё, едва уловимое. Вызов. Предостережение. Или просто усталость затянувшегося дежурства.

Он отошёл к окну, чтобы просмотреть журнал. Строки расплывались перед глазами; он заставлял себя вчитываться. «Ж., 67 лет, жалобы на головокружение, АД 190/110». «М., 58 лет, тошнота, нарушение речи». Обычная рутина. Обычная работа. Но мыслями он был не здесь — не в приёмном покое, не в городе, который утонул в тумане. Он был на набережной, июльским вечером, на той самой скамейке, где она впервые взяла его за руку и сказала: «Ты, главное, не бойся. Бояться — это не про нас».

Он боялся. Боялся до сих пор, хотя теперь это был другой страх — не юношеский, звенящий, а взрослый, тяжёлый, как камень на груди.

За спиной хлопнула дверь. Молоденькая санитарка про-

несла стопку белья, и в проёме мелькнул Костик — водитель, тот самый, который когда-то привозил им с Мариной обед на выездах. Алексей узнал его не сразу: лицо заострилось, над бровями пролегла складка. Костик прошёл мимо, не поздоровавшись, и встал у стойки, что-то тихо сказал Марине. Та покачала головой. Они говорили как люди, между которыми есть своя история, и Алексея кольнула неожиданная, глупая ревность.

Он закрыл папку. Нужно было возвращаться в кабинет, разбирать бумаги, знакомиться с персоналом. Но он постоял ещё минуту, глядя на них со стороны, как на сцену из чужой жизни. Марина слушала Костика, кивая, и в её позе не осталось той насторожённости, с которой она говорила с ним. Она была другой — мягче, спокойнее. И это было больнее всего: она оттаяла для кого-то, но не для него.

Он вышел в коридор и направился к кабинету. Шаги отдавались гулко, как в пустом доме. В голове стучала одна мысль, простая и страшная: он приехал не просто в город, который его помнит. Он приехал к женщине, которая научилась жить без него. И научилась так хорошо, что рядом с ней он чувствовал себя лишним.

В кабинете он снова сел к столу. На телефоне — ещё одно сообщение от матери: «Ты, главное, не замыкайся. И позвони, когда сможешь». Он прочитал и отложил.

За окном медленно, неохотно начинал расступаться туман. Проступали серые ветви липы, ржавая крыша гаража,

кусочек асфальта. Город возвращался к себе, и вместе с ним возвращалось всё, что Алексей шесть лет старался забыть.

Он провёл ладонью по лицу, чувствуя, как усталость наваливается на плечи. Первый час в Светлогорске-Приморском ещё не закончился, а он уже знал: будет не просто. Будет трудно, душно, иногда невыносимо. Но отступить некуда.

И где-то в глубине, под слоем вины и тревоги, тлело неожиданное, упрямое облегчение. Она была здесь, в соседнем здании, в пятидесяти метрах от него, живая, злая и прекрасная. И сердце колотилось так, будто ему снова двадцать шесть, и впереди — целое лето у моря.

Он не имел права на неё. Но она была здесь, в соседнем здании, в пятидесяти метрах от него, живая, злая и прекрасная. И сердце колотилось так, будто ему снова двадцать шесть, и впереди — целое лето у моря.

Глава 2. Первая смена

Марина перебирала бумаги на стойке, не глядя в них. Строчки расплывались, и она заставила себя вдохнуть глубже. Утренняя планёрка закончилась десять минут назад. Алексей вышел из ординаторской первым, коротко кивнул всем и исчез за дверью кабинета. Ей хватило этого кивка, чтобы почувствовать, как внутри всё сжалось.

— Марина, ты на вызов с ним, — Ирина Павловна положила перед ней карточку. — Петрович занят, фельдшеров разобрали. Так что с новым заведующим поедешь.

Марина подняла голову. Ирина Павловна смотрела на неё внимательно, поверх очков, и во взгляде её было больше, чем простое распоряжение.

— Я могу поменяться.

— Не можешь. Он будешь вводить в курс, так сказать, на местности. Ты лучше всех знаешь город, Марина. Это логично.

Марина прикусила щёку изнутри. Логично. Разумеется, логично. Всё в её жизни последнюю неделю было убийственно логично: его возвращение, его должность, его кабинет за стеной. От этого зубы хотелось стиснуть до хруста.

— Хорошо, — ответила она ровным голосом.

Костик, стоявший у входа с ключами, кашлянул.

— Я машину возьму. Если что.

Марина покачала головой.

— Сама справлюсь.

Она вышла в предбоксик, где пахло автомобильной резиной и нагретой пылью. Алексей уже стоял у открытой задней дверцы машины, застёгивая халат поверх рубашки. Он не слышал её шагов, а когда обернулся, на лице его на миг мелькнуло то же выражение, что и утром, — смесь вины и настороженности.

— Мы вместе? — спросил он.

— Как видите.

Она села вперёд, на пассажирское сиденье, чтобы не сидеть рядом с ним в салоне. Алексей забрался сзади, к кушет-

ке. Костик завёл двигатель, хмыкнул что-то себе под нос и тронулся.

— Вызов по адресу Заречная, четырнадцать, — сказала Марина, уставившись в лист. — Женщина, семьдесят восемь, жалобы на боль в груди, одышка. Сын вызвал.

Она говорила и слышала собственный голос как будто со стороны — сухой, деловой. Так разговаривала с интернами, стажёрами, с фельдшерами, когда они начинали рассуждать о своём. Не с человеком, с которым когда-то целовалась на рассвете, сбивая дыхание, под шум прибоя.

Алексей молча взял лист. Марина видела в зеркало заднего вида, как он читает, сдвинув брови. Губы едва шевелились. Он поправил стетоскоп, который свешивался с его шеи, и снова посмотрел на неё.

— Когда первые симптомы?

— Полчаса назад. Сын дал валидол. Не помогло.

— Анамнез?

Марина повернулась к нему вполоборота.

— ИБС, гипертония. После инфаркта три года. Постоянно принимает бисопролол.

Алексей кивнул.

— В дороге надо быть готовыми к острой сердечной. Возьмите дефибриллятор.

— Уже в упаковке, — отрезала она.

Он снова кивнул, спокойно, без раздражения. Это спокойствие бесило Марину сильнее любых слов. Он вёл себя так,

будто имеет право давать ей указания, будто все эти годы не было ни тишины, ни пустоты, ни бессонных ночей. Будто можно вернуться и снова занять своё место — в работе, в городе, в её голове.

Машина выехала на Морскую набережную. В открытое окно ворвался сырой ветер с запахом водорослей и соли. Море было серым, тяжёлым, у самого горизонта рваные полосы тумана цеплялись за воду. Марина смотрела на волны и думала, что у неё внутри сейчас такое же серое, холодное море.

Костик включил мигалку. Они проскочили перекрёсток, и Марина повернулась к Алексею впервые за всё время пути.

— Вы готовы? — спросила она, и в вопросе было слишком много смыслов.

— Да.

— Тогда идём.

Они вышли из машины почти одновременно. Подъезд был тёмный, пахло сырой штукатуркой и кошками. На третьем этаже, у обитой коричневым дерматином двери, их встретил седой мужчина лет пятидесяти, бледный, с трясущимися руками.

— Сюда, — сказал он, и голос его сорвался.

В квартире было душно. Женщина лежала на диване, прижав руку к груди, лицо серое, как небо за окном. Марина сразу бросилась к ней, но Алексей оказался быстрее.

— Марина, кислород, — бросил он, не оборачиваясь.

Она сжала челюсти. Подала баллон, распаковала маску,

закрепила на лице пациентки. Движения были чёткими, отточенными, но от его тона — короткого, командного — у неё вспыхнуло раздражение. Он говорил с ней, как со стажёркой. Как с той, кому нужно указывать.

Алексей опустил на колени, проверил пульс, снял ЭКГ. Марина следила за его руками. Широкие, с длинными пальцами, без единого лишнего движения. Она когда-то смотрела на эти руки иначе — как они перебирали её волосы, как скользили по спине. Сейчас они снимали электроды с запястий старой женщины, и в этом была вся безжалостность времени.

— Давление? — спросил он.

— Сто пятьдесят на девяносто, — ответила Марина, не соврав на цифрах.

— Морфин, два миллиграмма. Аспирин дали?

— Да.

— Тогда вводим.

Она наполнила шприц, подала ему. Их пальцы на мгновение встретились, и Марина почувствовала тепло его кожи сквозь тонкую перчатку. Она отдёргнула руку быстрее, чем следовало. Алексей не отреагировал, только скулы у него напряглись.

Женщина застонала. Он наклонился к ней, заговорил тихо, спокойно, и Марина невольно замерла. Он умел так говорить с больными: без фальши, без страха, но с той уверенностью, которая сама по себе действует как лекарство.

— Всё будет хорошо. Мы рядом. Сейчас поедem в больницу.

Марина отвернулась к укладке. Считала ампулы, чтоб чем-то занять руки. Знала, что у него всё под контролем. Знала, что ему не нужна подсказка, ни напоминание, ни помощь. И от этого становилось только хуже.

Она отыскала в себе то, что умела включать как рубильник: спокойствие. Ровное, холодное, профессиональное. Оно сработало. Через десять минут они уже перекладывали пациентку на носилки. В лифте Марина держала капельницу и смотрела в морщинистое лицо женщины, не на него. Алексей стоял напротив, и она чувствовала его взгляд на своей щеке, как прикосновение. Внезапно он нарушил тишину: "Как ты жила все эти шесть лет?" Марина вздрогнула, но не обернулась. "Я работала и заботилась о матери", — ответила она уклончиво, не желая обнажать душу. Прежде чем лифт остановился, он успел тихо произнести: "Я хотел бы услышать правду".

Он не сказал ни слова. И, может быть, это было к лучшему.

На улице, когда они отправили носилки в приёмный покой, Марина задержалась у машины. Ветер растрепал выбившиеся из пучка волосы. Она провела ладонью по лицу, стирая испарину, и заметила, что руки всё ещё чуть дрожат.

— Ты хорошо работала, — раздался за спиной.

Она обернулась. Алексей стоял в двух шагах, сунув руки

в карманы халата. Впервые за день он сказал ей «ты», и это короткое слово ударило сильнее, чем все утренние «вы».

— Я знаю, — ответила Марина. — Я всегда хорошо работаю.

— Я помню.

Ветер бросил ей в лицо прядь волос, она заправила её за ухо. Алексей смотрел на неё серьёзно, без тени улыбки. В его серых глазах, как в море, было столько всего намешано, что Марина не могла разглядеть, где кончается вина и начинается что-то ещё.

— Нам надо возвращать машину в гараж, — сказала она, отворачиваясь.

— Марин...

— Не надо.

Она подняла руку, как будто ставила стену между ними. Пальцы всё ещё дрожали, и она спрятала их в карман.

— Сейчас не время, Алексей Викторович.

Он помолчал. Потом кивнул, и снова лицо его стало закрытым, как захлопнутая дверь.

— Конечно.

Костик уже прогревал двигатель. Марина села вперёд, на этот раз с облегчением. Всю обратную дорогу молчала, уставившись в окно. Город полз мимо — низкие дома, мокрые листья, чёрные ветви. Море шумело где-то за дюнами, как её собственное сердце: глухо, тревожно, без остановки.

Она прикрыла глаза. Вспомнила, как шесть лет назад на

этом же перекрестке он поцеловал её в висок, и она подумала, что у неё есть всё. Как мало нужно, чтобы всё рассыпалось.

Внутри что-то заныло. Давние страхи, давние слёзы, о которых знала только мать, а в больнице — никто. Никто не знал, что она потеряла через два месяца после его отъезда. Что лежала в одиночестве в квартире с выключенным телефоном и смотрела в потолок, пока из неё уходило то, что могло бы стать смыслом. Она не рассказала. Никому и никогда.

Машина остановилась у заднего входа. Марина вышла, не взглянув на Алексея. Костик проводил её до двери и тихо спросил:

— Ты как? Держишься?

— Держусь.

— Если что, я готов поговорить. Без советов, просто рядом.

Она повернулась к нему. В голубых глазах — столько заботы, что на мгновение стало стыдно. Она так и не поняла, за что он её любит. И почему именно он, а не тот, кто должен был бы остаться, не остаётся.

— Спасибо, Кость.

— Да ладно.

Он хотел ещё что-то сказать, но Марина уже отворилась и шагнула в сырой, пропитанный хлоркой полумрак больничного коридора. Внутри всё дрожало — от невысказанного, от

его «ты», от запаха моря, который вьелся в волосы и никак не хотел отпускать. Она шла к шкафчику, снимала халат, вешала на плечики, но перед глазами стояло только одно. Его руки. И то, как они умели быть нежными.

Марина заперла шкафчик и прижалась лбом к холодной металлической дверце. Пальцы сжались на ключе так, что бороздка впилась в ладонь. В висках стучало, и она заставила себя досчитать до десяти, как учила молоденьких сестёр перед сложной перевязкой: медленно, на выдохе, до конца.

Не помогло.

В ординаторской никого не было. Она села на стул у окна, не включая свет. В полутьме поблёскивала раковина, на подоконнике темнели горшки с давно засохшими фиалками — Ирина Павловна всё обещала вынести, да руки не доходили. За окном шумел ветер, гнал по асфальту сухие листья, и в этом шорохе было что-то невыносимо знакомое. Так шумело море в то лето, когда они с Алексеем впервые остались вдвоём на ночном пляже.

Марина с силой растёрла лицо ладонями. Хватит. Хватит перебирать воспоминания, как старые фотографии. Она слишком долго хранила их в коробке, перевязанной бечёвкой, и знала: если достать хоть одну, рассыплются все остальные.

Дверь приоткрылась. В проёме возникла Ирина Павловна — бесшумно, как кошка, но Марина уже научилась чувствовать её присутствие по едва уловимому запаху камфоры

и крахмала.

— Ты чего в темноте сидишь? — спросила она, щёлкнув выключателем.

Марина зажмурилась от резкого света.

— Голова болит.

— От перемены погоды. Шторм надвигается, — Ирина Павловна прошла к своему шкафчику, достала пакет с травами. — Завари себе пустырник. А лучше — иди домой. Смена через час закончится, досидит молодёжь.

— Справлюсь.

— Конечно, справишься. Ты у нас крепкая. Только крепость эта, Марина, до поры. — Ирина Павловна сняла очки, протёрла их краем халата и посмотрела на неё острым, всё понимающим взглядом. — Я его знаю. Он из тех, кто приходит и уходит, как ветер. Не пускай его снова под кожу.

Марина промолчала. Взяла пакет с травой, повертела в руках. Пустырник пах пылью и летом. Ей хотелось сказать, что поздно, что он уже под кожей, что он, наверное, и не уходил никогда — просто затаился там, как заноза, которую не вытащить без крови. Но она не сказала. Улыбнулась, стараясь, чтобы вышло спокойно.

— Идите, Ирина Павловна. Мне правда лучше одной. Та покачала головой, но спорить не стала.

— Смотри, девочка. Я предупредила.

Когда дверь закрылась, Марина высыпала траву в кружку, залила кипятком из чайника, который так и стоял на под-

оконнике, наполовину остывший. Сделала глоток. Горечь обожгла язык, но внутри стало чуть тише.

Она допила, вымыла кружку и пошла в приёмный покой. Смена катилась к концу, но предстояло ещё разобраться с журналом, передать дежурство и пережить последний час. В коридоре пахло хлоркой и йодом, из сестринской доносился приглушённый смех молоденьких девчонок. Они смеялись так, как смеются люди, у которых всё впереди и ничего не болит. Марина поймала себя на острой, почти враждебной зависти и тут же устыдилась.

Она прошла мимо кабинета Алексея, не замедляя шага. Из-под двери пробивалась узкая полоска света, и она представила его там, над журналами, в одиночестве, с этой его привычкой тереть переносицу, когда устаёт. Представила — и разозлилась на себя за то, что до сих пор помнит такие мелочи. Как он пьёт кофе без сахара. Как разговаривает по телефону, отворачиваясь к окну. Как дышит, когда засыпает.

Она зашла в приёмный покой, проверила последние записи, поправила стопку чистых бланков. Руки совершали привычные движения, а мысли неслись куда-то к Заречной, к тёмному подъезду, где он говорил с ней, как с чужой. «Марина, кислород». Коротко. Командно. Без тени сомнения.

Странно, но именно это задело её сильнее всего. Не холодность, не утреннее «вы». А то, что в работе он остался тем, кем был всегда, — уверенным, точным, безжалостно спокойным. И то, что она, несмотря ни на что, доверилась ему в

этой квартире, как доверяют только тем, с кем разделена сотня выездов. Или не сотня. Но достаточно, чтобы руки не переспрашивали, а делали.

Часы на стене показали без четверти пять. Марина взяла сменное полотенце, вышла в предбоксик. У входа, опершись спиной о старый кессон с бельём, стоял Костик. Она сразу поняла по его лицу, что он ждал именно её.

— Ты всё ещё здесь? — спросила она.

— Да. Хотел убедиться, что ты нормально дойдёшь.

— Тут двести метров.

— Ну и что. Мне по пути.

Он посмотрел на неё так, что стало неловко. Не с жадностью, не с претензией — с тем терпеливым, почти собачьим ожиданием, которое Марина не умела ни принять, ни прогнать. Она вздохнула и впервые за день почувствовала, как плечи опускаются.

— Кость, не надо меня провожать.

— Я не навязываюсь. Просто рядом идти. Молча.

Она хотела ответить резко — не нужно, не сегодня, не с тобой. Но сдержалась. В конце концов, он не был виноват в том, что происходит. Не был виноват, что любит не вовремя. Не был виноват, что его забота не заполняет пустоту, а только подчёркивает её.

— Ладно, — сказала она. — Только я быстро. И не спрашивай ничего.

— Мне и спрашивать нечего, — пожал он плечами. — Я

и так всё вижу.

Марина отвернулась, бросила полотенце в корзину. Внутрь поднялась волна благодарности и раздражения одновременно, как жар и озноб. Она хотела бы любить его. Простого, надёжного, до смешного преданного. Наверное, с ним было бы спокойно: тёплый дом, рыбный пирог по воскресеньям, его большие ладони на её озябших плечах. Но сердце — упрямая мышца — сжималось не в ответ на эту простоту, а на тот сложный, колючий, невозможный узел, который завязался шесть лет назад и с тех пор не ослаб ни на миллиметр.

— Иди на выход, — сказала она, накидывая куртку. — Я сейчас.

Костик кивнул и вышел на крыльцо. Марина поправила воротник, проверила телефон, мельком глянула в зеркало у выхода. Из темноты стекла на неё смотрела усталая женщина с тёмными кругами под глазами и слишком взрослым взглядом. Она почувствовала себя на все сорок.

На улице ей в лицо ударил влажный ветер. Он пах морем и приближающимся штормом. Деревья гнулись, по небу ползли рваные тучи, сквозь них прорывался тревожный, нездешний свет. Марина поёжилась и зашагала по дорожке к воротам.

За спиной хлопнула дверь. Она не обернулась, но поняла, что это он. Алексей. По звуку шагов, по тому, как сжалось всё внутри.

— Марина, — сказал он негромко.

Она остановилась. Ветер бросил ей в лицо прядь волос, и она убрала её машинально. Обернулась. Он стоял на крыльце, без халата, в одной рубашке, и в сумеречном свете лицо его казалось бледным и осунувшимся.

— Я хотел только сказать, — он замолчал, подбирая слова. — Я не жду, что всё будет как раньше. Просто... я здесь не для того, чтобы всё усложнить.

Марина усмехнулась, и усмешка вышла горькой.

— А для чего ты здесь, Алексей Викторович? Работать?

— В том числе.

— Тогда работайте. И не провожайте меня, у вас смена не закончилась.

Она повернулась и пошла к воротам. Ветер бил в спину, подталкивая, как чья-то назойливая рука. У выхода ждал Костик — он стоял под старым фонарём, сунув руки в карманы куртки, и по его лицу Марина поняла, что он всё слышал.

Они пошли вдвоём по узкому тротуару, в сторону её дома. Молчали. Море грохотало где-то за дюнами, и в этом грохоте тонули и шаги, и дыхание, и всё, что она так и не смогла сказать.

У подъезда Костик остановился.

— Ну вот, доставил.

— Спасибо.

— Да не за что. — Он помялся, глядя куда-то поверх её плеча. — Марин, я больше не буду предлагать. Но если тебе когда-нибудь понадобится человек, который никуда не де-

нется... ты знаешь, где меня найти.

Она подняла на него глаза. Слова были простые, без всякой позы, и от этого защипало в носу. Она вдруг остро, почти физически ощутила, как отчаянно устала. От этой недели, от возвращения Алексея, от шести лет молчания, которое она таскала на себе, как неподъёмный мешок.

— Спасибо, Кость, — сказала она тихо. — За то, что ты рядом. Но я должна сама.

— Знаю. Ты всегда всё сама.

Он кивнул, сунул руки глубже в карманы и пошёл обратно к больнице, не оборачиваясь. Марина смотрела ему вслед, пока его фигура не растворилась в сумерках. Потом поднялась на свой этаж, открыла дверь, скинула туфли и прижалась спиной к холодной стене прихожей.

В квартире было темно и тихо. Мама наверняка спала после таблеток. Марина так и стояла в пальто, не зажигая свет, и слушала, как за окном раскачивается старый тополь, как стучат по стеклу первые капли дождя. Шторм приближался.

Она подошла к окну, выглянула на улицу. Внизу, у больничных ворот, зажёгся свет в окне второго этажа. Его кабинет. Алексей всё ещё был там.

Марина долго смотрела на это окно, пока капли не превратились в сплошные водяные полосы. Потом задернула штору, сняла мокрое пальто и пошла на кухню ставить чайник. Руки дрожали. Она сжала их в кулаки, подышала, как учила. Завтра снова смена. Снова коридоры, снова этот взгляд,

снова нужно будет делать вид, что всё в порядке. Что она не помнит. Что ей не больно.

Но сегодня, в темноте собственной кухни, под шум первого осеннего ливня, она позволила себе одну-единственную, крошечную уступку. Она вспомнила, как он говорил «Марин» — мягко, с той самой интонацией, на которую отзывалось всё внутри. И почувствовала, как тёмная, тёплая, упрямая волна поднимается откуда-то из глубины, затапливая рёбра, лёгкие, горло.

Она знала, что это такое. Поэтому и боялась.

Чайник щёлкнул и отключился. Марина не пошевелилась.

Глава 3. Шёпот за спиной

Костик не стал заходить в ординаторскую. Он стоял у открытой двери, держал обе кружки с кофе и слушал. Голоса звучали приглушённо, но слова долетали отчётливо, как будто само помещение их проталкивало наружу.

— Говорю тебе, она сама на вызов напросилась. Ирина Павловна ещё не успела рот открыть, а эта уже у машины стояла.

— Да ну. Маринка?

— А что Маринка? Ты бы видела её лицо вчера, когда он в коридор вышел. Таких совпадений не бывает.

Костик сжал кружки. Горячий кофе плеснул на пальцы, но он не почувствовал. Внутри поднялось что-то тяжёлое, липкое, как будто в грудь налили тёплой смолы.

Он осторожно отошёл от двери, дошёл до окна в конце коридора и поставил кружки на подоконник. Дождь стучал по стеклу. За мутной пеленой угадывался старый больничный двор, мокрые липы, серая громада хирургического корпуса.

«Она сама на вызов напросилась». Костик медленно выдохнул. Он знал, что это неправда. Видел вчера в машине, как Марина смотрела в сторону, как отвернулась, когда Алексей сел рядом. Она не напрашивалась. Её загнали. Она поехала, потому что Ирина Павловна сказала — значит, надо.

Но зерно уже упало. И он это понимал.

Он вернулся в ординаторскую, толкнул дверь плечом. Разговор оборвался. Вера Сергеевна и Люда, диспетчер, сидели за столом и делали вид, что пьют чай. Только чай в их чашках давно остыл.

— А, Костик, — Вера Сергеевна улыбнулась слишком широко. — Ты с кофе? А нам?

— Я вам не носильщик, — буркнул он и поставил кружки на стол.

Люда хмыкнула, переглянулась с Верой Сергеевной. Костик сел на стул, откинулся к спинке. Хотелось курить. В последнее время это желание появлялось всё чаще.

— Чего вы сидите, как мыши? — спросил он, не глядя на женщин. — Работы нет?

— Работа есть, пациентов нет, — отозвалась Люда. — Пока тихо.

— Ну да. Тихо.

Он взял кружку, сделал глоток. Кофе был слишком сладким. Костик поморщился, но пить не перестал. Сладкое его всегда успокаивало.

— Слышь, Кость, — Вера Сергеевна подалась вперёд, — а ты ведь вчера с Мариной уходил? Ну, после смены?

— Уходил. Проводил до дома.

— И как она? А то мы тут переживаем. В смысле... ну, ты понимаешь.

Костик медленно поставил кружку на стол. Поднял глаза. Вера Сергеевна смотрела с таким сочувствием, что захотелось встать и выйти.

— Нормально. Справится.

— Ну да, ну да... Она у нас сильная. Только знаешь, Костя, женщине ведь не только сила нужна. Ей нужен кто-то, кто за неё заступится. Если, не дай бог, снова...

— Вера Сергеевна, — перебил он резче, чем хотел, — вы бы поменьше обсуждали то, чего не знаете.

В ординаторской стало тихо. Люда уткнулась в журнал, Вера Сергеевна поджала губы. Костик допил кофе, смял пустой стаканчик и бросил в ведро. Промазал. Встал, поднял, бросил снова.

— Ладно. Пойду машину проверю.

Он вышел, не оглядываясь, и почти сразу налетел на Марину. Она стояла в коридоре, держала стопку карточек, и смотрела на него с тем самым выражением, которое он нена-

видел. Не злым, не усталым — просто спокойным, как будто она уже всё знала и заранее простила.

— Чего ты такой? — спросила она.

— Да так. Душно.

— Кость.

— Что?

Она шагнула ближе, заглянула ему в лицо. От неё пахло больницей — хлоркой и медицинским спиртом, но под этим знакомым запахом он уловил что-то ещё. Может, вчерашний дождь, въевшийся в волосы. Может, просто осень.

— Ты не обязан со мной нянчиться, — сказала она тихо.

— Я взрослая. Мне спасибо, что проводил, но не надо из-за меня с людьми ссориться.

— Я не из-за тебя.

— Да? А из-за чего?

Костик не ответил. Он смотрел, как она поправляет выбившуюся из пучка прядь, как движется её рука, и думал о том, что сказала Вера Сергеевна. «Женщине нужен кто-то, кто за неё заступится». Он всегда хотел быть этим кем-то. Но Марина снова и снова отодвигала его на безопасное расстояние, и он не знал, как это изменить.

— Меня Ирина Павловна просила помочь с перестановкой в процедурке, — сказал он наконец. — После обеда.

— Я знаю. Она и меня просила.

— Вот как.

Марина кивнула и пошла по коридору. Костик смотрел ей

вслед, пока она не скрылась за поворотом. Потом сунул руки в карманы и направился к выходу — проверять машину, отгонять мысли, дышать холодным мокрым воздухом.

На стоянке было пусто. Капли стучали по крыше «газели», по асфальту, по листьям. Костик открыл капот, для виду пошевелил какие-то провода, закрыл. Он сам не знал, что ищет. Просто нужно было чем-то занять руки.

Из-за угла больницы вышли двое. Алексей и какая-то женщина. Костик сначала не понял, что видит. Потом прищурился, взгляделся сквозь дождь. Женщина была немолодая, высокая, в тёмном пальто и вязаном берете. Она шла под руку с Алексеем, наклоняя голову, что-то говорила. Он слушал и улыбался — так, как Костик не видел его улыбающимся ни разу за эти два дня. Мягко, открыто, без оглядки.

Они остановились у старой «тойоты». Женщина поправила ему воротник, что-то сказала, он засмеялся. Потом помог ей сесть в машину, обошёл капот и сел рядом. «Тойота» мигнула фарами и выехала со стоянки.

Костик стоял под дождём и смотрел, как задние огни тают в серой пелене. Внутри закручивалась холодная спираль. Он вспомнил, как вчера Алексей вышел следом за Мариной на крыльцо. Вспомнил его лицо. Вспомнил, как Марина остановилась, когда он позвал.

И вот теперь — другая женщина. Не Марина.

Он сжал кулаки. От дождя волосы намокли, куртка потяжелела, но он не ушёл. Стоял, смотрел на след от машины,

растворяющийся в луже.

— Костик? — раздалось сзади.

Он вздрогнул, обернулся. Ирина Павловна стояла под козырьком бокового входа, сухая, аккуратная, со скрещёнными на груди руками.

— Ты чего мокнешь? Простуды нам не хватало. Иди-ка сюда.

Он подошёл, встряхнулся по-собачьи. Ирина Павловна поджала губы, но ничего не сказала.

— Я видел, — проговорил Костик, не глядя на неё. — С женщиной. Уехал.

— А, — она кивнула. — Эта. Я тоже видела.

— Кто она?

Ирина Павловна помолчала. Потом вздохнула, поправила воротник халата, как будто раздумывала, стоит ли говорить.

— Не знаю, Костя. Может, и никто. А может, и кто-то. Но ты же сам видишь: он возвращается и сразу... в общем, ведёт себя по-прежнему.

Костик повернулся к ней. Лицо у неё было спокойное, почти печальное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.